

ЛЕСНАЯ ЛЕГЕНДА

Ничего, если я начну с самого начала, и разговор будет долгий — как мы вообще туда попали, зачем? Все мы люди, порой тянет по-стариковски поболтать, как в песне поется, об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах, но вот далеко не всегда и можно. СМЕРШ как-никак. Кроме подписок по данным конкретным операциям (а их порой брали и с тех, кто подписками и так был увешан дальше некуда), была еще железная общая установка: сколько бы там лет ни прошло, словечком не вспоминать о тех делах, с которых гриф секретности не снят. Вьелось, знаете ли. Вы не против? Отлично.

Обстоятельства тут такие. Не просто снят гриф секретности (о чем старого военного пенсионера никто и не проинформировал бы). Тут даже почище: рассказ о той операции буквально три месяца назад попал в общедоступную документальную книгу, вот в этот самый сборник. Может, вы его читали? Тогда можно перейти сразу к главному. Нет? Ну тогда старикан,

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

уж не посетуйте, поболтает — правда, без лишнего многословия, вычленять буду основное.

В книге этой все описано достаточно подробно, хотя многое — в общих чертах. Ну, а тот случай никто ни в один рапорт не включил, так что я касательно него никак не связан никакими подписками. Ну, понятно, не будь книги, я бы рассказал без всего сопутствовавшего, отделался бы чем-нибудь вроде: «Оказались мы там, выполняя задание командования...» Очень удобная формулировка: и не объясняет ничего, и все вроде бы ясно. Ну, а коли уж все рассекречено и, говоря казенно, доведено до широкой общественности, можно и напрямую...

Так вот... Март сорок пятого. Армия занимается своим делом, мы своим: немецкая агентура в наших тылах, окруженцы, банды, все прочее. И вот однажды наши ловят в эфире радиопередачу, а там и еще одну, тем же почерком, и еще одну. В относительно глубоком тылу, более чем в пятидесяти километрах от линии фронта. И определенно это немцы, что легко было установить по некоторым сугубо специфическим признакам. И еще до того, как подключились дешифровщики, качнув на косвенных, наши выдвинули версию, что это никакая не заброшенная агентура. Агентуру свою немцы готовили очень даже неплохо

хо и радисту накрепко вдалбливали в голову кое-какие правила: передача по возможности должна быть как можно короче, и после каждой следует менять дислокацию, перебираться подальше. А этот фриц шпарил сущими простынями, да вдобавок с одного и того же места, чувствовался обычный, как пфенниг, армейский радист, попросту не обученный кое-каким шпионским премудростям, — и рядом, очень похоже, нет никого, кто бы эти премудрости знал и мог поучить дурака уму-разуму. Так что запеленговали его в том лесном массиве очень быстро.

А там и дешифровщики сработали оперативно. Честно говоря, на сей раз не благодаря своему умению, а оттого, что кто-то толковый перевернул ворох трофейных бумаг, сопоставил кое-что и сделал выводы, каковые в докладной и изложил.

По всему выходило, что передачи ведет один из радистов немецкой пехотной дивизии, которую наши незадолго до того взяли в «котел» и расчихвостили так, что вырваться удалось буквально горсточке, в том числе и тому болтуну, оказавшемуся, видимо, настолько добросовестным служакой, что рацию не бросил и не изничтожил, пер на горбу. Вся их штабная документация, в том числе и шифры

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

(и даже один целехонький шифровальщик), попали к нам, куда следует. Так что с расшифровкой долго и не возились.

Сгоряча решили, что дело скучное и абсолютно нам неинтересное. Обычные окруженцы, не диковина. Забились в глушь и задумались, как жить дальше. Шестьдесят два человека, такая сборная солянка — пехота, безлошадные танкисты, артиллеристы без матчасти. Командование над ними по праву старшего принял майор, командир батальона той самой разгромленной дивизии. По предварительным прикидкам, дурак с инициативой. Офицер потолковее (как многие на месте майора и поступали), да что там, толковый унтер быстро принял бы единственно возможное решение: не торчать в лесу, как леший на пне, а уходить на запад, к своим, попытаться перейти линию фронта. Крайне рискованно, но ничего лучшего в таком положении и не придумаешь. Либо идти сдаваться, либо пробираться к своим.

А этот экземпляр со своим сбродом (который он в радиограммах именовал «подразделением», ха!) торчал на одном месте и форменным образом ныл: сухпай вот-вот доедят, патронов по горсточке, просит «инструкций и помощи».

Инструкции — это бы еще ладно, не самый выдающийся идиотизм. Но вот насчет помо-

щи... Какую такую помощь рассчитывал получить? Что за ними пошлют парочку самолетов? Парочку, потому что в один стандартный транспортник шестьдесят два рыла — да нет, шестьдесят три, включая майора, — не влезут? За пятьдесят километров в тыл? Размечтался...

Война — вещь жестокая и циничная. В условиях, когда сходятся миллионные армии, такую группочку, пожав плечами, непременно спишут в неизбежные потери. Конечно, окажись среди них серьезный генерал или важный секретноноситель, что наши, что немцы в такой ситуации обязательно самолет бы послали — но какую-нибудь легкомоторную кроху, чтобы вывезти одну эту персону, а остальным предложили бы топтать ножками. Так оно всегда и бывает.

Ну, благо все документы у нас, майора проверили быстренько. Ага, есть такой. Не сказать, чтобы скверный служака, но определенно из той породы вечных неудачников, которые лямку-то тянут, но повышения и награды их с удивительным постоянством обходят стороной. Первую мировую дядя закончил капитаном, командиром роты, а за шесть лет подрос всего-то до комбата и майора. Ну вот такое у человека невезение. По-моему, такие в любой армии есть. Выпала тебе именно такая колея — и хрен из нее выберешься...

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

Решение подворачивалось простое: послать войска по охране тыла, и, если заерепенятся, отправить к нибелунгам. Они не первые такие и вряд ли последние, война еще на какое-то время затянется, Берлин все же не в двух шагах...

Но тут пришел ответ от немцев, и ситуация, как это частенько на войне случается, вмиг поменялась решительно и бесповоротно...

Немцы, как и следовало ожидать, сначала выругали за длинные передачи и приказали немедленно сменить место дислокации на другое, конкретно указанное — еще подальше в глушь. Что гораздо интереснее, велели ждать, когда сбросят грузовые контейнеры со жратвой и патронами, и, главное, «быть готовыми выполнять задание командования, о сути которого будет сообщено дополнительно».

Вот это решительно меняло дело и было для нас крайне интересно. Никакой сверхчеловеческой проницательности от наших и не требовалось — были уже примеры. Районы те немецкую разведку интересовали неизменно, как и нас, окажись мы на их месте. Готовилось наше очередное наступление, и серьезное. Неизвестно, знали ли уже немцы направление нашего главного удара или пока нет. В любом случае всякая военная разведка поступает одинаково: забрасывает в тыл противнику

агентов-парашютистов, чтобы отслеживали перемещение военной техники и войск, а при необходимости устраивает еще и диверсии на железных дорогах. Немцы, кстати, поначалу так и поступили, забросили две группы, но обе мы отловили (к сожалению, в обоих случаях, так уж не свезло, не удалось взять живыми радистов). И уж никак не могли пройти мимо такого подарка судьбы — в крайне интересных их местах ховаются шестьдесят кадровых вермахтовцев, которых можно использовать в вышеназванных целях.

Правда, имелся весьма существенный нюанс, который немцы не могли не понимать... В лесу прятались обычные вермахтовцы, строевики, окопники. А подрывать рельсы и уж тем более умело вести сбор информации о военных перевозках и других перемещениях противника кто бы их учил... При всей своей тевтонской исполнительности запорются очень быстро — я о разведке. По радио, так сказать, заочно, не особенно и поднатаскаешь — еще и оттого, что долгие радиоинструктажи легко засечь. К тому же у наших «лесовиков» не было диверсионных спецсредств — откуда бы они таким разжились, драпая из «котла»? Как учил предшествующий опыт: уж если немцы всерьез решили окруженцев этих именно

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

так использовать, непременно сбросят к ним не только нужное снаряжение, но и инструкторов — по минно-подрывному делу и по разведке. Случались прецеденты на других фронтах. Сто шансов из ста, они именно так и поступят, иначе затея теряет всякий смысл.

Ну, предположим, подрывники немецкие нас интересовали меньше всего — не бог вещь какой ценный товар. А вот дела разведки... Чтобы ее грамотно поставить, несомненно, прилетит абверовец — не полковник и не генерал, конечно, но уж, безусловно, не сопливый лейтенантик, а битый волк, немало знающий помимо данной операции. А вот абверовец, свеженький, только что из-за линии фронта — это уже та фигура, из-за которой стоит рвать пупок. Икрыный карась, ага...

Вот только для того, чтобы все прошло по-нашему, чтобы принять гостей, требовалась качественная, искусная радиоигра, из тех, что порой кончаются провалом, а иногда и нешуточным успехом. Дело прочно взяла под контроль Москва (судя по некоторым многозначительно скупым обмолвкам, вроде бы даже Ставка, а значит, Сам).

Мы, причастные, довольно быстро сообразили, чего следует ждать: не дети малые, не впервые. Так оно и оказалось: очень бы-

стро нагрянуло Высокое Начальство и стало изрекать привычные формулировки: «кровь из носу», «в лепешку расшибись, но выполни», «сделай или умри, а еще лучше сделай, не умирая». И все такое прочее, чтобы прониклись, осознали до донышка всю важность поставленной задачи. Ну, это неизбежно присутствует в любой армии. Я бы на месте высокого начальства держался точно так же — функция у него такая. Философски-то говоря.

Войсковой операции проводить, разумеется, не стали, чтобы не кончилось пошлой перестрелкой с кучей трупов. Радист нам позарез требовался живым и невредимым, к тому же не успевшим отстучать на ту сторону, что им пришли кранты. Так что никаких открытых действий. Исключительно нашими усилиями.

Ну, дело знакомое. Разве что их там не, скажем, шесть, а шестьдесят с хвостиком, но методика, в общем, та же самая... Ввиду особой важности задания начальство не скупердяйничало, как это с ним, между нами говоря, иногда бывало. Спецов-разыскников, мастеров вязать волчар, выделили даже больше, чем там было этих самых окруженцев. По-моему, совершенно правильно: кашу маслом не испортишь. Умелые радиоигры все же вещь штучная, и тут уж лучше не мелочиться...

АЛЕКСАНДР БУШКОВ

Место их дислокации мы отыскивали довольно быстро, хотя и не в одночасье. Майор явно учел наставления, которые ему давали с той стороны, — и радист всякий раз с охраной человек из пяти уходил на несколько километров от заброшенного хуторка, на котором они обосновались, — и всякий раз в другом направлении, но это нам задачу ничуть не осложняло, наоборот, облегчало: так гораздо легче взять его чисто.

Наблюдение за хутором и перемещениями радиста мы вели чуть ли не круглосуточно, так и оставшись незамеченными, — куда было простым армейцам тягаться с нашими ребятами, отлично умевшими действовать в лесах. Ну, и эфир мы слушали постоянно.

Немцы (как, впрочем, и ожидалось) одно время начали проверки. Выглядело это примерно так: «Говорите, у вас там есть фельдфебель Ганс Швайне? А позовите-ка его к рации. Гутен таг, Ганс! Это твой старый камрад Вилли из второго взвода. А не вспомнишь ли, как летом сорок четвертого там-то и там-то происходило то и это?» Или задавали майору вопросы, на которые мог ответить только он сам.

Правда, проверки эти довольно быстро прекратились — немцы должны были прекрасно понимать, что полной ясности они не вне-

сут, как ни старайся. Предположим, и фельдфебель Ганс, и майор самые что ни на есть доподлинные — но где стопроцентная гарантия, что они и в самом деле сидят на том хуторке, а не у нас квартируют и работают под контролем? Такое можно определить, только послав на место человека...

Через пару дней немцы ночью (конечно, предварительно обговорив место и условные сигналы) сбросили им на парашютах три грузовых контейнера. Как вскоре выяснилось, с продуктами, боеприпасами, питанием для рации. А самое интересное там было — четыре ящика компактных мощных мин самого что ни на есть диверсионного назначения, нескольких разных типов — и для подрыва рельсов, и магнитные, которые можно пришлепнуть, скажем, под днище паровоза или вагона с боеприпасами, третьи, мастерски замаскированные под куски угля, подбрасывают в тендер. Увы, это еще не свидетельствовало, что немцы поверили полностью. Ради большой игры можно пожертвовать и десятком контейнеров такого добра. Хватало примеров.

Еще через пару дней в Москве решили, что с этим идиллическим сидением на хуторке пора кончать. Во-первых, пора самим вступить в игру, то есть брать радиста. Во-вторых, места